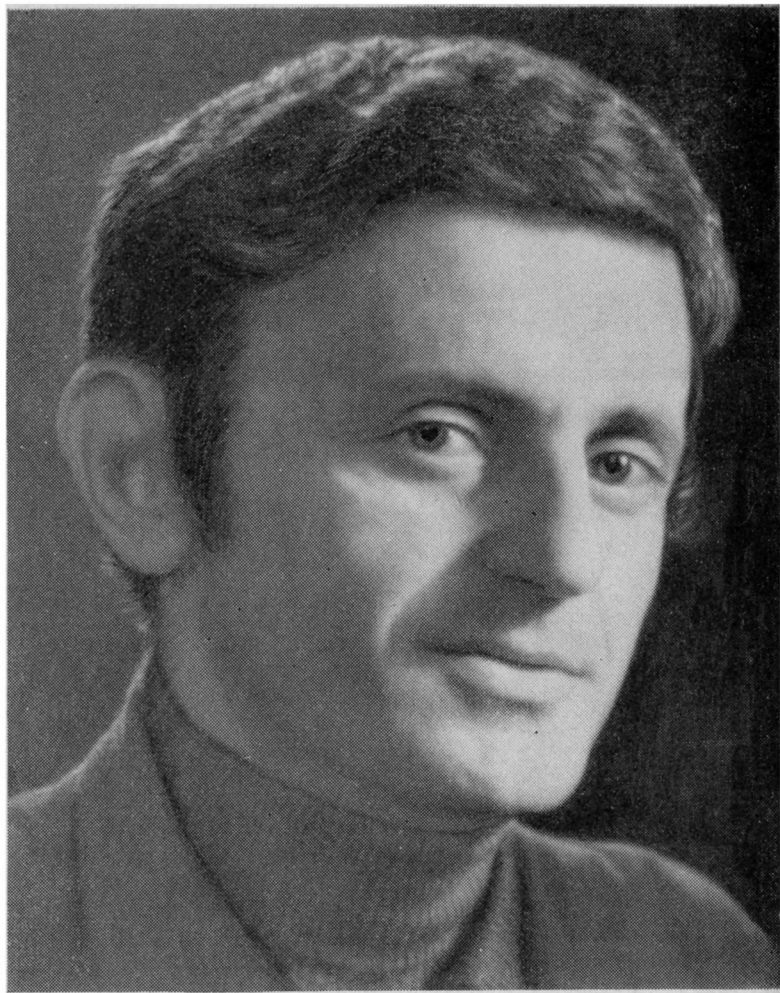

ВИКТОР
СОСНОРА

Сист

ВИКТОР СОСНОРА

Лист
стихи

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ · 1972
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

P 2
C 66

7-4-2
148-72

Над Ладогой вечерний звон.
Перемещение водных глыб.
Бездонное свечение волн.
Космические блики рыб.

У туч прозрачный облик скал.
Под ними красная кайма.
Вне звона различимо, как
поет комар,
поет комар!

Мои уключины — аккорд
железа и весла-меча.
Плыву и слушаю: какой
вечерний звон,
вечерний час!

Озерной влаги виражи,
и музыкальная капель.
Чего жалеть?

Я жил, как жил.

Я плыл, как плыл.
Я пел, как пел.

И не приобретал синиц,
небесных журавлей не знал.
Афористичность этих птиц
смешна.
А слава не нужна.

Не нужен юг чужих держав,
когда на ветках — в форме цифр, —
как слезы светлые, дрожат
слегка пернатые птенцы.

Когда над Ладогой лучи
многообразны, как Сибирь. . .
Когда над родиной звучит
вечерний звон моей судьбы.

Уже не слышит ухо эха
потусторонних песен птиц.
И вороны и воробьи
и улетели и уснули.
Уже большие звезды неба
иллюминировали ели.
Как новогодние игрушки
они висели на ветвях.
А маленькие звезды леса,
а светлячки за светлячками
мигали, как огни огромных
и вымышленных государств,
где
в темноте, как циферблаты,
фосфоресцировали очи
обыкновенной птицы филин,
где
гусеницы, как легенды,
распространялись по деревьям,
где
на фундаментах стояли
капитолийские деревья,

как статуи из серебра,
где
бабочки на белых крыльях
играли, как на белых арфах,
где
в молодых созвездьях ягод
ежеминутно развивались
молекулы живых существ,
где
белокаменные храмы
грибов
        стояли с куполами
из драгоценного металла,
где
так мультипликационно
шли на вечернюю молитву
малюсенькие муравьи,
где
над молитвой муравьиной
смеялся спичечный кузнечик,
но голос у него был мал,
увы,
совсем не музыкален.

Тише, тише,
мысли-мышы,
кот на крыше —
кыш! кыш!
Кот-мяука
ловит муху-
цокотуху,
мой малыш!

Тише, тише,
мысли-мышы. . .
Кто на крыше?
Кыш! кыш!
Это бесы
плачут в бедных
колыбелях,
мой малыш!

Тише, тише,
мысли-мышы,
боги слышат,
мой малыш!

Боги эти
тоже дети,
а на свете
лишь тишь. . .

Ты уходишь,
как уходят в небо звезды,
заблудившиеся
дети рассвета,
ты уходишь,
как уходят в небо
на кораблики похожие птицы.

Что вам в небе?
Наша мгла сильнее снега.
Наше солнце
навсегда слабее сердца.
А кораблик
журавля на самом деле —
небольшое
птичье перышко, не больше.

Ты уходишь.
Отпускаю, потому что
опустели
сентябри моими журавлями.

До свиданья.
До бессонных сновидений,
до рассвета,
заблудившегося в мире.

Когда на больших бастилиях
подводного государства
мигают, как колебанья,
вечерние колокола,
когда потемнеет воздух,
тогда расставляет море
беспалые перепонки
тишины.

И всякая тварь — творенье
небес, океана, суши —
тогда, затаив дыханье,
опускает птенцов в гнездо.
Темнеет корабль корсара, —
он гасит огни живые,
и парус, как беглый ангел,
на перышках убегает.

Что птица? — небесное тельце.
Что рыба? — чертеж лекалом.
Что звери пустынь? — пушинки.
Корабль со своим бушпритом —

комарик с невредным жалом,
Луна — это капля в море,
ни больше ни меньше — капля
тишины.

Когда замигает бронзой
вечерний колокол моря
и восемь веселых лун
расставят свои зеркала —
обманывайся, товарищ! —
тогда накануне страха
опущенными парусами
развлекается тишина.

ОСЕНЬ В МИХАЙЛОВСКОМ

1

Где готические ели,
цепи храбрые хвои,
путешествуют по елям
дятлы в мантиях Востока.

Там живут живые шишки
в деревянных париках,
размышляет о дожде
белый гриб — Сократ.

Саблезубые собаки
бегают и лают.
Поднимаются у зайцев
царские усы.

По холмам — холодным храмам, —
как монахини, вороны
механические ходят
и вздыхают. . .

И когда замерзла клюква,
и тогда взлетели листья.
О Летучие Голландцы,
распугали птиц!

Разворачивают парус
журавли — матросы неба,
улетают, улетают
на воздушных кораблях.

2

Улетели птицы и листья.
Небеса — водяные знаки.
По стеклянной теплице ходит
цапля в белом, как дева в белом.

Однозвучен огонь.
Мигают
многоглазые канделябры.
Ты один. В деревянном доме
деревянная тишина.

Улетели пчелы и утки.
В небесах — невидимки-бесы.
А вчера уползли улитки
в сердцевину земного шара.

Ты один в деревянном мире.
Черной молнией по бумаге
пробегает перо воронье,
и чернеют черновики.

Пчелы в ульях, улитки в недрах.
И у птиц опадают крылья.
Перелетные птицы, где вы?
Опустели улицы неба.

За стеклянной решеткой ходит
цапля в белых, как бал, одеждах,
чертит клювом на мглистых стеклах
водяные знаки свои.

И древний диск луны потух.
И дискантом поет петух.

Петух — восточный барабан,
иерихонская труба.

Я знаю: медленен и нем,
рассвет маячит в тишине,
большие контуры поэм,
я знаю, —
в нем, а не во мне.

Я лишь фонарик на корме,
я — моментальный инструмент.

Но раз рассвет — не на беду
поет космический петух.

Петух с навозом заодно
клюет жемчужное зерно.

В огромном мире, как в порту,
корабль зари — поет петух!

В твоих очах, в твоих снегах
я, путник бедный, замерзаю.
Нет, не напутал я, — солгал.
В твоих снегах я твой Сусанин.

В твоих отчаянных снегах
гитары белое бречанье.
Я твой солдат, но не слуга,
слагатель светлого прощанья.

— Нас океаны зла зальют. . .
О, не грози мне, не грози мне!
Я твой солдат, я твой салют
очей, как небо, негасимых.

— Каких там, к дьяволу, услад!
Мы лишь мелодию сложили
про то, как молодость ушла,
которой, может быть, служили.

Гори, звезда моя, гори!
И полыхай притом.
Сто Сцилл и столько же Харибд
хромает за хребтом.

Там сто стоических пещер,
там стонет красота,
за тем хребтом, где вечер-червь
мне душу разъедал.

Он разъедал, да не разъел,
он грыз, да не загрыз.
Ни сам я и ни мой размер
не вышли из игры.

Не обрели обратных нот,
не хлынули под нож.
И если прославляли ночь,
то — ненавидя ночь.

Пусть вечер, как хирург угрюм,
хромает вдоль застав, —

моя звезда,
ты — не горюй,
гори,
    моя звезда!

ЭХО

Солнце полное палило,
пеленая цитрус.
Нимфа Эхо полюбила
юного Нарцисса.

Кудри круглые. Красавец!
Полюбила нимфа.
Кончиков кудрей касалась,
как преступник нимба.

А Нарцисс у родника,
вытянут, как пика,
в отражение вникал
собственное пылко.

У Нарцисса отрешенье.
От себя в ударе,
целовал он отраженье,
целовал и таял.

Как обнять через полоску
дивное создание?

Он страдал и не боролся
со своим страданьем.

— Я люблю тебя, —
качал он
головой курчавой.
— Я люблю тебя! —
кричала
нимфа от печали.

— Горе! — закричал он.
— Горе! —
нимфа повторила.
Так и умер мальчик вскоре,
в скорби испарился.

Плачет нимфа и доньне.
Родники, долины,
птицы плачут, звери в норах,
розы, кипарисы.
Ведь не плачущих не много.
Есть. Но единицы.

С тех времен для тех, кто любит
и кого бросают,
запретили боги людям
громкие признанья.

Если невзначай польются
слезы от предательств, —
запретили боги людям
громкие рыданья.

Даже если под мечами —
помни о молчанье.
Ведь в любви от века к веку
так. Такой порядок.
Пусть не внемлет нимфа Эхо,
пусть не повторяет.

ФОНТАН СЛЕЗ

Бахчисарай!
Твой храбрый хан
в одно мгновенье обесценил
монеты римлян и армян
и инструменты Авиценны.

Он прибывал славян к столбу
гвоздями белыми Дамаска.
Отнюдь не мнительный Стамбул
молился узкоглазой маске.

Бахчисарай!
Твой хан Гирей
коварно и кроваво правил,
менял внимательно гарем
и слезы на металлы плавил.

Все — мало. Только власть любил.
Всех юношей страны для страху
убить задумал —
и убил;
оставил евнухов и стражу.

Под ритуальный лай муллы
взлетали сабли ястребами,
мигала кровь, как солнце мглы;
младенцев сабли истребляли.

Прошло еще двенадцать зим,
двенадцать лун ушло в преданье.
Хан постарел. Татарский Крым
жирел оружием и плодами.

Прошло еще немало зла,
хан правил пир в стеклянных залах,
и к хану женщина пришла,
она пришла
и так сказала:

— Тебя никто не мог любить,
а я одна тебя любила,
а надо было бы убить;
прости меня, что не убила.
Повелевал ты, но — аллах! —
легко повелевать слезами,
я много лет таила страх;
я умираю,
и сказала.

Она была бела, как бред,
как струйка бедная.
Не знали
ни имени ее, ни лет;
ее в гареме не назвали.

К утру утих собачий лай,
все
очаги разогревали.

Торговец стриг своих овец.
У тиглей хлопотал кузнец.

Жемчуголов ловил свой перл.
Рабы свою баржу смолили.
Лишь муэдзин молитву пел
и поздравлял татар с молитвой.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПИГМАЛИОНА

М. Борисовой

Теперь — тебе: там, в мастерской, маски,
тайник и гипс и в светлячках воздух. . .
Ты Галатею целовал, мальчик,
ты, девочка, произнесла вот что:

«У нас любовь, а у него маски,
мы живы жизнью, он лишь труд терпит,
другую девушку — он мэтр, мастер, —
ему нетрудно, он еще слепит!»

Так лепетала ты, а ты слышал,
ты пил со мной и ел мои сласти,
я обучал тебя всему свыше, —
мой мальчик, обучи ее страсти!

Мой ученик, теперь твоя тема,
точнее тело. Под ее тогой
я знаю каждый капилляр тела,
ведь я — творец, а ты — лишь ты. Только

в твоей толпе. Теперь — твоя вежа.
И — молотками весь мой труд, трепет,

и — молотками мой итог века!
«Ему нетрудно, он еще слепит!»

Теперь — толпе. Я не скажу «стойте».
Душа моя проста, как знак смерти.
Да, мне нетрудно, я слеплю столько. . .
Скульптуры — что там! — будет миф мести.

Теперь убейте. Это так просто.
Я только тих, я только в труд — слепо.
И если бог меня лепил в прошлом, —
ему нетрудно, он еще слепит!

ГАМЛЕТ И ОФЕЛИЯ

Фрагмент

Д. Королькову

Г а м л е т

Неуютно в нашем саду,
соловьи да соловьи.
Мы устали жить на свету,
мы погасим свечи свои.

Темнота, тихо кругом,
лает пес, теплится час.
Невидимка-ангел крылом
овекает небо и нас.

Неуютно в нашем дворце,
все слова, Гамлет, слова.
И сидит в вечном венце
на твоём троне сова.

Это рай или тюрьма?
Это блеск или луна?
В небесах нежная тьма,
Дух Святой, дьявол она.

Неуютно в наших сердцах,
целовать да целовать.
Уплывем завтра, сестра,
в ту страну, где благодать.

О ф е л и я

Где страна, где благодать?
Благо дать — и умереть.
Человек — боль и беда.
Только — быть, и не уметь

умереть. Быть — целовать,
целый век — просто пропеть.
Целый век быть — благо дать,
целовать и не успеть

умереть. В нашем саду
лишь пчела с птицей поют,
лишь цветы, лишь на свету
паучки что-то плетут

да летят искры стрекоз,
ласки сна, тайны тоски.
В золотых зарослях роз
лепестки да лепестки.

Ты потрогай — рвется струна,
Аполлон требует стрел.
Этот знак «сердце-стрела»
устарел, брат, устарел.

Не струна, а тетива, —
или их, или себя!

Этот сад весь в деревьях,
огнь и меч их истребят.

Г а м л е т

Про деянья или про дух,
про страданья или про страх.
Вот и вся сказка про двух —
жили-были брат и сестра.

В той стране, в той голубой
(журавли не долетят!),
там была только любовь,
у любви — только дитя.

До зари звезды дрожат.
Вся цена жизни — конец.
Ты послушай: дышит душа —
бьется, бьется в теле птенец.

Их любовь слишком светла.
Им Гефест меч не ковал.
Жили-были брат и сестра,
и никто их не карал.

Ничего нет у меня —
ни иллюзий и ни корон,
ни кола и ни коня,
лишь одна родина — кровь.

ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Столетье спустя, в январе
был маленький храм.
Святители на серебре,
нехитрый хорал.

Свеча и алтарь. В тайнике
там ангел стоял.
И лира на левой руке,
и благословлял.

О волосы бел ковыли!
Молитвы слагал
про тех, кто повел корабли
в снега и снега.

Как радостно было у нас,
когда над свечой,
как маленькая луна,
блестел светлячок.

Столетье спустя и еще
с востока пришли

какие-то люди с мечом
и люди с плетью.

Они обобрали наш храм,
алтарь унесли.
И юношей (вот и хорал!)
на торг увели.

Совсем отгорела свеча,
лишь сторож-фантом
ходил, колотушкой стучал,
да помер потом.

---

18 НОЯБРЯ В ПАРИЖЕ ШЕЛ СНЕГ...

Ты, черный звон,
вечерний звон,
кандалный звон
чернильных строк!
Ты, влажный звон
канальных зон,
звон манекенов и антенн.
Вон фонари — как чернецы,
от фар огонь — а не печет. . .
А может, это цепи цифр
звенят над городом:

— Почем
вечерний звон,
почем почет
затверженных чернильных клякс?
почем ласкательность?
почем
вечерний звон любимых глаз?

Иду без шапки.
За плечом
снежинки — цыканье синиц. . .

Почем шаги мои?
Почем
мое отчаянье звенит?

КВАРТАЛЫ СЕН-ЖЕРМЕН

Поехали
с орехами,
с прорехами,
с огрехами.

Поехали!
Квадратными
кварталами —
гони!

Машина —
лакированный
кораблик —
на огни!

Поехали!
По эху ли,
по веку ли, —
поехали!

Таксер, куда мы мчимся?
Не слишком ли ты скор?

Ты к счетчику, а числа
бесчисленны, таксер.

Что нам Париж гадает?
Что нам еще искать?

Квадратные кварталы
и круглая тоска.

Это совы, это совы, — узнаю кичливый контур, —
в жутких шубах, опереньем наизнанку — это совы
улыбаются надменно,

обнажая костяные

губы,

озаряя недра зданий

снежно-белыми глазами. . .

2

На антенне, как отшельница,
взгромоздилась ты, сова.

В том квартале, в том ущелье
ни визитов, ни зевак.

Взгромоздилась пребольшая
боль моя, моя гроза.

Как пылают, приближаясь,
снежно-белые глаза.

Снежно-белые, как стражи
чернокожих кораблей.

Птица полунбчной страсти
в эту полночь — в кабале.

Ты напуган? Розовеешь,
разуверенный стократ?

Но гляди:

в глазах у зверя

снежно-белый — тоже страх!

Раз-два! Раз-два!
По тротуарам шагает сова!

В прямоугольном картонном плаще,
медный трезубец звенит на плече,
мимо домов — деревянных пещер —
ходит сова и хохочет.

Раз-два! Раз-два!
По тротуарам крадется сова!

Миллионер и бедняк — не зевай,
бард, изрыгающий гимны-слова, —
всех на трезубец нанижет сова,
как макароны на вилку!

Раз-два! Раз-два!
На тротуарах ликует сова!

Ты уползаешь? Поздно! Добит!
Печень клюет, ключицы дробит,
шрамы высасывая, долбит
клювом, как шприцем, как шприцем.

Раз-два! Раз-два!
На тротуарах рыдает сова.

В тихом и темном рыданье — ни зги,
слезы большие встают на носки,
вот указательный палец ноги —
будто свечу — зажигает. . .

Мундир тебе сковал Геракл
специально для моей баллады.
Ты, как германский генерал,
зверела на плече Паллады.

Ты строила концлагерей
концерны,
ты — не отпирайся!
Лакировала лекарей
для опытов и операций.

О, лекарь догму применял
приманчиво, как примадонна.
Маршировали племена
за племенами в крематорий.

Мундир! Для каждого — мундир!
Младенцу! мудрецу! гурману!
Пусть мародер ты, пусть бандит,
в миниатюре ты — германец!

Я помню все. Я не устану
уничтожать твою породу
за казнь и моего отца,
и всех моих отцов по роду:

с открытым ли забралом,
красться ли
с лезвием в зубах, но — счастье
уничтожать остатки свастик,

чтоб, если кончена война,
отликовали костылями,
не леденело б сердце над
концлагерями канцелярий.

На площади Пигаль салоны:
там страсти тайные, и там. . .

А птицы падают, как слезы,
на Нотр-Дам,
на Нотр-Дам!

1

Он появился, как скульптура
на набережной.
Наш старик
пришел сюда с лицом Сатурна,
сюда,
и сам себя воздвиг.

Старик всю жизнь алкал коллизий,
но в президенты не взлетел.
Все признаки алкоголизма
цитировались на лице.

В пижаме из бумажной прозы,
изгоев мира адмирал,
он отмирал.
И то не просто —
он аморально отмирал.

Он знал: его никто не тронет,
все в мире — бред и ерунда.
Он в тротуар стучал, как тростью,

передним зубом
и рыдал:
— Я ПОТЕРЯЛ ЛИЦО!
Пряатель!
Я — потерял.
Не поднимал?

Но пьян «приятель». И превратно
приятель юмор понимал:
— Лицо?
С усами?
(И ни мускул
не вздрогнул. Старичок дает!)
Валяется тут всякий мусор,
возможно, поднял и твое!

2

Какое красок обедненье!

И номера домов бледнели,
на Сене шевелились листья,
на Сену угольщики шли.
У женщин уличные лица
у Тюильри,
у Тюильри.

На Сене вспыхивали листья,
как маленькие маяки,
за стеклами
шоферов лица —
бледно-зеленые мазки.

Многоугольны переплеты
окаменелостей-домов.
Все номера переберете
у многовековых домов,
откроете страницу двери,
обнимете жену, как правду,
под впечатлением таверны
протараторите тираду,
что стала ваша жизнь потолще,
что вы тучнеете, как злаки,
что лица вашего потомства —
как восклицательные знаки!

Прохожий, ты, с улыбкой бодрой,
осуществи, к примеру, подвиг:
уединись однажды ночью —
поулыбайся в одиночку.

Не перед судьями Сорбонны,
не перед женщиной полночной,
не перед зеркалом соборным —
поулыбайся в одиночку.

Ни страха глаз не поубавив,
ни слезы не сцедив с ресниц, —
дай бог тебе поулыбаться,
во всяком случае рискни!

Когда идет над берегами,
твердея, ночь из алебастра
на убыль,

ты,
не балаганя,
себе
всерьез
поулыбайся!

Сидела девочка на лавке,
склоня вишневую головку,
наманикюренные лапки
ее лавировали ловко.

Она прошупывала жадно
лицо, чтобы его приклеить,
лицо,
которое держала
на лакированной коленке.

Она с лица срезала капли
сует излишних,
слез излишних,
ее мизинчик — звонкий скальпель —
по-хирургически резвился.

Она так долго суетилась,
искала так,
и вот сегодня
СВОЕ ЛИЦО НАШЛА статистка,
и вот пора его освоить.

Заломленный вишневый локон
был трогательно свеж и мил.
Прооперировано ловко.
Перед экраном дрогнет мир!
Лицо ее — как звезды юга!
Свое! Мечтательницы юной!
И цельное лицо. Процессы
отображаются большие,
такое, как у поэтессы,
как у божественной Брижитты.

Теперь бы туфельками тикать
да на какого короля
бряцающий надеть канат
под видом тихой паутинки.

4

Любовь была не из любых:
она — любила,
он — любил.

И Мулен-Руж в нарядах красных
вращала страсти колесо!
Любили как!
Он — ПОТЕРЯВШИЙ,
она — НАШЕДШАЯ ЛИЦО!
Он — адмирал,
она — Джульетта,
любили как в миллионах книг!
За муки ведь его жалела,

а он — за состраданье к ним!
Все перепутал чей-то разум.
Кто муж?
Которая жена?
Она не видела ни разу
его,
а он — и не желал!

Возможно, разыграли в лицах
комедию?
Так — не прошла.
Большое расхождение в лицах:
он — ПОТЕРЯЛ,
она — НАШЛА.

Б

Дыхание алкоголизма.
Сейчас у Сены цвет муки.
Поспешных пешеходов лица
как маленькие маяки.
Да лица ли?
Очередями
толпились только очертанья
лиц,
но не лица.
Контур мочки,
ноздря,
нетрезвый вырез глаза,
лай кошки,
«мяу» спальной моськи...

Ни лиц,
ни цели
и ни красок!
Перелицовка океана —
речушка в контуре из камня
да адмирала рев:

— Ажаны!
ЛИЦО ИЩУ! —

Валяй, искатель!

Все ощутит прохожий вскоре —
и тон вина,
и женщин тон.
Лишь восходящей краски скорби
никто не ощутит. Никто.

Прохожий,
в здания какие —
в архитектурные архивы
войдешь,
не зная, кто построил,
в свой дом войдешь ты посторонним.

Ты разучил, какие в скобки,
какие краски — на щиты,
лишь восходящей
краски
скорби
тебе уже не ощутить.
Познал реакцию цепную,
и «Монд», и Библию листал.

Лицо любимое целуешь,
а у любимой
нет
лица.

ГОСТИНИЦА «ЖЕРЕ»

Как теплится
в гостинице,
в гостинице-
грустильнице?
Довольны потеплением,
щебечущим динамиком,
днем полиэтиленовым
и номером двенадцатым?

Как старится
в гостинице,
в гостинице-хрустальнице?
С кристальными графинами,
с гардинами графичными,
с гарсонами военными?

Мы временно,
мы временно!

Мы воробьи осенние,
мы северные,
мы —
мечтавшие о зелени,
но ждущие зимы.

Празднуем прекрасный вечер
с электрической свечой,
с элегичностью зловещей. . .

Почему молчит сверчок?
Свежей песней не сверкает?
Страхи не свергает?

Мы шампанское «Палермо»,
помидоры и балык
пользуем попеременно. . .
Пальцы у девиц белы.

Варимся — вороны в супе. . .
А сверчок не существует.
Ни в камине.
Ни в помине.
И ни по какой причине.

Мне и спится и не спится.
Филин снится и не снится.

На пушистые сапожки
шпоры надевает,
смотрит он глазами кошки,
свечки зажигает:

— Конь когда-то у меня
был, как бес — крылатый.
Я пришпоривал коня
и скакал куда-то.

Бешено скакал всю ночь,
за тебя с врагами
саблей светлой и стальной
в воздухе сверкая.

За тебя! Я тихо мстил,
умно, —

псы лизали
латы! Месяц моросил
светом и слезами.

Это — я! Ты просто спал,
грезил, — постарался!
Просыпайся! Конь — пропал.
Сабля — потерялась.

Мне и спится и не спится,
филин снится и не снится.

В темноте ни звезд, ни эха,
он смеется страшным смехом,
постучит в мое окно:
— Где мой конь? Кто прячет? —
Захохочет... и вздохнет.
И сидит, и плачет.

Во всей вселенной был бедлам.
Раскраска лунная была.

Там, в негасимой синеве,
ушли за кораблем корабль,
пел тихий хор простых сирен.
Фонарь стоял, как канделябр.

Как факт, фонарь. А мимо в мире
шел мальчик с крыльями и лирой.
Он был бессмертьем одарен
и очень одухотворен.

Такой смешной и неизвестный,
на муку страха или сна
в дурацкой мантии небесной
он шел и ничего не знал.

Так трогательно просто (правда!)
играл мой мальчик, ангел ада.
Все было в нем — любовь и слезы,
в душе не бесновались бесы,

рассвет и грезы, рок и розы. . .
Но песни были бессловесны:

«Душа моя, а ты жила ли,
как пес, как девушка дрожа? . .
Стой, страсть моя! Стой, жизнь желаний!
Я лиру лишнюю держал.

В душе моей лишь снег да снег,
там транспорт спит и человек,
ни воробьев и ни собак.
Одна судьба, одна судьба».

ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА

Спи, мой мальчик, мой матрос.
В нашем сердце нету роз.
Наше сердце — север-сфинкс.
Ничего, ты просто спи.

Потихоньку поплывем,
после песенку споем,
я куплю тебе купель,
твой кораблик — колыбель.

В колыбельке-то (вот-вот!)
вовсе нету ничего.
Спи. Повсюду пустота.
Спи, я это просто так.

Сигаретки — маяки,
на вершинах огоньки.
Я куплю тебе свирель
слушать песенки сирен.

Спи, мой мальчик дорогой.
Наше сердце далеко.
Плохо плакать, — все прошло,
худо или хорошо.

МАРТЫНОВ В ПАРИЖЕ

Вы видели Мартынова в Париже?

Мемориальны голуби бульваров:
сиреневые луковицы неба
на лапках нарисованных бегут.
Париж сопротивляется модерну.
Монахини в отелях антикварных
читают антикварные молитвы.
Их лица забинтованы до глаз.

Вы видели Мартынова в Париже?

Мартынов запрокидывал лицо.
Я знаю: вырезал краснодеревщик
его лицо, и волосы, и пальцы.
О, как летали золотые листья!
Они летали хором с голубями,
они как уши мамонтов летали,
отлитые из золота пружины.
Какие развлечения нам сулили,
какие результаты конференций!
Видения вандомские Парижа!

А он в Париже камни собирал.

Он собирал загадочные кремни:
ресницы Вия, парус Магеллана,
египетские профили солдат,
мизинцы женщин с ясными ногтями.
Что каждый камень обладает сердцем,
он говорил, но это не открытье,
но то, что сердце — середина тела,
столица тела, это он открыл.
Столица, где свои автомобили,
правительства, публичные дома,
растения, свои большие птицы,
и флейты, и дюймовочки свои. . .

Был вечер апельсинов и помады.
Дворцы совсем сиреневые были.
Париж в вечернем платье был прекрасен,
в вечернем и в мемориальном платье.

Знал и я раньше,
да и недавно,
страх страницы. . .
Написать разве,
как над Нотр-Дамом —
птицы, птицы.

Рассветал воздух,
воздух звезд. Луны
уплывали.
Транспорт пил воду
химии. Люди —
уповали.

Про Париж пели
боги и барды
(ваша — вечность!).
Ведь у вас — перлы,
бал — баллады,
у меня — свечка.

И метель в сердце —
наверстай встречи!

Где моя Мекка?
В жизни и смерти
у меня — свечка,
мой значок века,
светофор мига,
мой простой праздник,
рождество, скатерть. . .
Не грусти, милый,
все — прекрасно,
как — в сказке.

Гении горя
(с нашим-то стажем!),
мастера муки!
Будь же благ, город,
что ты дал даже
радость разлуки.

Башенки Лувра,
самолет снится,
люди — как буквы,
лампочки — луны,
крестики — птицы. . .
Будь — что будет!

ИСПОВЕДЬ ДЕДАЛА

М. Кулакову

В конце концов признанья — тоже поза.
Придет Овидий и в «Метаморфозах»
прославит имя тусклое мое.
Я лишь Дедал, достойный лишь Аида,
я лишь родоначальник дедалидов,
ваятелей Афин и всех времен.

В каком-то мире, эллинов ли, мифов,
какой-то царь — и Минос и не Минос,
какой-то остров — Крит или не Крит.
Овидий — что! — Румыния, романтик,
я вовсе не ваятель, — математик,
я Миносу построил Лабиринт.

Все после — критских лавров ароматы,
Геракл и паутинка Ариадны,
Тезея-Диониса маета,
Плутарха историческая лира

о быко-человеке Лабиринта,
чудовище по кличке Минотавр.

Все — после. Миф имеет ипостаси.
Я не художник. Я — изобретатель.
Лишь инструменты я изобретал:
топор, бурав и прочие. . .

а кроме,
пришел на скалы, где стоял Акрополь,
и где (я знал!) стоит художник Тал.

Там он стоял. В сторонке и отдельно.
В темнеющей от вечера одежде,
ладони рук, приветствуя, сомкнул.
Я поприветствовал и, обнимая
и постепенно руки отнимая,
отпрянул я! И со скалы толкнул.

Сын брата моего и мой племянник,
для девушек — химера и приманка,
для юношей — хулитель и кумир,
мечтатель мальчик с мышцами атлета,
вождь вакханалий с мыслями аскета,
которого учил я и кормил,

которого ни слава не манила,
ни доблести, и не было мерил
в его судьбе — сама собой судьба.
Животное и труженик. Неверно —
«раб творчества» или «избранник неба»,
все проще: труд избранника-раба. . .

Как я убил? Известно как. Извольте:
на скалах водоросли и известка,
он поскользнулся и упал, увы!
Кто и когда вот так не оступался? ..
Я счастлив был. Но как я ошибался!
Я не его — я сам себя убил.

Они меня ни в чем не извиняли
и добросовестные изваянья
мой — кирками! под ступени плит!
Был суд. И казнь. Я клялся или плакал.
Был справедлив статут ареопага.
Я испугался. Я сбежал на Крит.

О, как волна эгейская играла! ..
Все после: Минос, крылья, смерть Икара, —
не помню, или помню кое-как.
Но идолопоклонники Эллады
про Тала позабыли, а крылатость
мою провозгласили на века.

Смешные! Дети-люди! Стоит запись
в истории оставить всем на зависть,
толпа в священном трепете — талант!
И вот уже и коридоры Крита,
и вот мои мифические крылья,
«да не судим убийца: он — крылат!»

Орфеев арфы и свирелей ноты,
орлы небес и комары болота, —
хохочет Хронос — судороги скул!

Кому оставить жизнь — какой-то розе
или фигуре Фидия из бронзы?
Не дрогнув сердцем, говорю: цветку.

Он, роза, жив, отцвел и умирает,
а Фидий — форма времени, он — мрамор,
он только имя, тлен — его талант,
ни искупленья нет ему, ни чувства.
А то, что называется «искусство», —
какие камни, мертвые тела!

Кто архитектор, автор Пирамиды?
Где гении чудес Семирамиды?
О, Вавилонской башни блеск и крах!
Где библии бесчисленных отечеств?
Переселенье душ библиотеки
александрійской?

Все, простите, прах.

Искусство плавят боги, а не бесы,
художник — только искорка из бездны,
огни судьбы — агонии огни.
Остановись над пропастью печали,
не оглянись — тебя предупреждали, —
о прорицатель, о, не оглянись.

Не оглянись, художник. Эвридика
блеснет летучей мышью-невидимкой,
и снова — тьма, ни славы, ни суда,
ни имени. И все твои творенья
испепелит опять столпотворенье.
И пепел разлетится навсегда.

Все, что вдохнуло раз — творенье Геи.
Я — лишь Дедал. И никакой не гений.
И никакого нимба надо мной.
Я только древний раб труда и скорби.
Искусство — икс, не найденный, искомый.
И никому бессмертья не дано.

ГОМЕР

1

На небеса взошла Луна.
Она была освещена.

А где-то, страстен, храбр и юн,
к Луне летел какой-то Лун.

Не освещенный, не блистал.
Он лишь летал по небесам.

Сойдутся ли: небес канон
она и невидимка — он?

2

Там кто-то ласточкой мелькнул.
Там кто-то молнией мигнул.

Кузнечик плачет (все во сне!),
и воет ворон в вышине.

Чей голос? Голосит звезда,
или кукушка без гнезда?

Овчарня — овцам. Совам — сук.
Когтям — тайник. Копытам — стук.

Ах, вол и волк! Свободе — плен.
Льду — лед. А тлену — тлен и тлен.

И по слезам в последний час
как семь потов — в семь смертных чаш!

В

И вот — кристаллики комет. . .

Кому повем, кому повем
и зло и звон моих поэм?

Иду под пылью и дождем,
как все — с сумою и клюкой,
ничто не жжет, никто не ждет,
я лишь ничей и никакой.

Нет, я легенд не собирал,
я невидимка, а не сфинкс,
я ничего не сочинял,
Эллада, спи, Эллада, спи.

Спи, родина, и спи, страна,
все эти битвы бытия,

сама собой сочинена,
ты сочинила, а не я.

Что на коне, что на осле,
мне все едино — мир и миг,
и что я слеп или не слеп,
и что я миф или не миф.

МУЗЫКАНТ

Как свечи белые, мигала тишина.
Из крана капала и капала луна.
Такая маленькая, капала теперь.
Из крана капала и таяла в трубе.

Как свечи белые, маячили в ночи
так называемые лунные лучи.
А та луна, а та небесная была
в кружочках цифр, как телефонный циферблат.

Совсем иные, иноземные миры,
висели звезды, как бильярдные шары.
В бубновых окнах лица женщин и мужчин
чуть-чуть прозрачнее, чем пламя у свечи.

Я был в неясном состоянье перед сном.
Я был один. И был один старик со мной.
Но был он в зеркале, таинственный старик:
в шампанских бакенбардах современный лик.

Он делал пальцами, как делает немой.
Как свечи белые, мигали у него

немые пальцы.
Этот мученик зеркал
на фортепьяно что-то странное играл.

Мою чайковскую луну и облака,
как Дебюсси, он в си бемоли облакал,
то патетические солнца и латынь, —
он мне, слепцу, мой музыкальный поводырь.

Еще старик играл такое попури:
— Все это было — твой Парнас и твой Париж.
Но ты не жил и не желал.

Увы и ах!

Существованье музыканта — в зеркалах.
Лишь в зеркалах твои сожженные мосты,
молитвы мутные, минутные мечты.
Я тварь земная, но нисколько не творю,
я лишь доигрываю музыку твою.
Мы — Муки творчества. Нас ждет великий суд,
У нас, у Муков, уши длинные растут.
Но наши уши постепенно отцвели:
спасает души повседневный оптимизм.
Я презираю мой му-чительный талант...

А за окном ходили белые тела.
Как свечи белые, маячили в ночи
тела одетых женщин и мужчин.

Играл орган в необитаемых церквах.
Его озвучивали Гендель или Бах.
Фонарик в небе трепетал, как пульс виска.
И в небе с ним необъяснимая тоска.

О музыкант! Какую ни бери бемоль,
минорный край твой есть, как мания, немой.
Взойдет ли солнце, очи выела роса:
как водяные знаки бедные глаза.

О музыкант! Меня ты не уговорил,
ты улыбнулся и на улицу уплыл.
Так ты уплыл. Но я нисколько не скорблю:
большое плаванье большому кораблю.

СОДЕРЖАНИЕ

«Над Ладогой вечерний звон...»	5
«Уже не слышит ухо эха...»	7
«Тише, тише...»	9
«Ты уходишь...»	11
«Когда на больших бастилиях...»	13
Осень в Михайловском	
1. «Где готические ели...»	15
2. «Улетели птицы и листья...»	16
«И древний диск луны потух...»	18
«Когда от грохота над морем...»	19
«В твоих очах, в твоих снегах...»	20
«Гори, звезда моя, гори!...»	21
Эхо	23
Фонтан слез	26
Продолжение Пигмалиона	30
Гамлет и Офелия	32
Песня Офелии	35
18 ноября в Париже шел снег...	37
Кварталы Сен-Жермен	39
Фантазии совы	
1. «Полночь протекала тайно...»	41
2. «На антенне, как отшельница...»	42
3. «Раз-два! Раз-два!...»	43
4. «Мундир тебе сковал Геракл...»	44

Феерия	46
Гостиница «Кере»	55
«Празднуем прекрасный вечер...»	56
«Мне и спится и не спится...»	57
«Во всей вселенной был бедлам...»	59
Детская песенка	61
Мартынов в Париже	62
«Знал и я раньше...»	64
Исповедь Дедала	66
Гомер	71
Музыкант	74

СОСНОРА ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ
АНСТ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1972, 80 стр. План выпуска 1972 г., № 148. Редактор *И. С. Кузьмичев*. Художник *Л. Д. Авидон*. Худож. редактор *М. Е. Новиков*. Техн. редактор *М. А. Ульянова*. Корректор *Г. Л. Черняк*. Сдано в набор 3/XII 1971 г. Подписано в печать 17/II 1972 г. М 16141. Бумага 70×108¹/₃₂. № 2. Печ. л. 2¹/₂ (3,5). Уч.-изд. л. 2,0. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1732. Цена 20 коп. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3.